

УИЛЬЯМ ГОЛДИНГ

НАСЛЕДНИКИ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г60

Серия «Эксклюзивная классика»

William Golding

THE INHERITORS

Перевод с английского *В. Хинкиса*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Печатается с разрешения издательства
Faber and Faber Limited
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Голдинг, Уильям.

Г60 Наследники : [роман] / Уильям Голдинг ;
[пер. с англ. В. А. Хинкиса]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2023. — 288 с. — (Эксклюзивная клас-
сика).

ISBN 978-5-17-983038-2

«Наследники» — второй и самый любимый, по при-
знанию Голдинга, его роман, в котором получили разви-
тие его размышления о происхождении зла, впервые про-
звучавшие в «Повелителе мух».

Плейстоцен, 40 000 лет до нашей эры. Племя неандер-
тальцев, которые лишь недавно научились использовать
огонь и примитивные инструменты и только-только ос-
ваивают речь, сталкивается с племенем людей, стоящих
на следующей ступеньке эволюции, — людей с парази-
тельно изощренным умом и удивительной ловкостью...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© William Golding, 1955
© Перевод. В. Хинкис, наследники, 2016
© Издание на русском языке АСТ
Publishers, 2023

ISBN 978-5-17-983038-2

Посвящается Энн

...Мы, в сущности, почти ничего не знаем о том, как выглядел неандерталец, но всё... дает основание предполагать, что он был покрыт густой шерстью, уродлив с виду или даже омерзителен в своем непривычном для нас облике, с покатым и низким лбом, густыми бровями, обезьяньей шеей и коренастой фигурой... Сэр Гарри Джонстон в своей обзорной работе о происхождении современного человека «Изложения и переложения» утверждает: «Смутная память о таких гориллоподобных чудищах, с их изворотливым умом, неуклюжей походкой, шерстистыми шкурами, крепкими зубами и, вероятно, каннибальскими вкусами, быть может, и породила образ людоеда в народном творчестве...

Г.Д. Уэллс. Очерк истории

ОДИН

Лок бежал во всю прыть. Он пригнул голову и держал терновую палицу над землей, чтоб лучше сохранять равновесие, а второй, свободной рукой разметывал рои трепетно витающих почек. Лику со смехом скакала на нем, одна ее рука вцепилась в каштановые завитки, которые густились у него на загривке, сползая книзу по хребту, другая же прижимала к его шее малую Оа. Ноги Лока были сообразительны. И они видели. Они сами несли его в обход обнаженных, торчащих корней меж буковыми деревьями, сами перепрыгивали там, где вода лужами лежала поперек тропы. Лику колотила его пятками в брюхо.

— Быстрее! Быстрее!

Но его ноги стали упираться, он свернул и замедлил бег. Теперь они оба услышали реку слева близ тропы, еще невидимую глазу. Буки здесь поредели, кустарник отступил, и прямо перед ними оказалась хлюпкая, ровная болотина, где раньше всегда было бревно.

— Вот, Лику.

Агатистая болотная вода лежала перед ними и простиралась вбок, в сторону реки. Тропа вдоль нее убегала дальше на той стороне, где подымался склон, а потом исчезала меж деревьев. Лок радостно ухмыльнулся, подступил к воде еще на два шага и замер. Ухмылка на его лице потускнела, и он разинул рот так широко, что нижняя челюсть отвисла. Лику соскользнула к нему на колено и прыгнула наземь. Она поднесла головку малой Оа к губам и глядела поверх нее.

Лок засмеялся от растерянности.

— Бревно ушло.

Он зажмурил глаза, нахмурился и увидел бревно. Тогда оно лежало поверх воды одним концом по эту, а другим по ту сторону, серое и трухлявое. А когда добежишь по нему до середины, почувствуешь, что под тобой всплескивает вода, ужасная вода, местами очень глубокая, мужчине по самые плечи. Вода эта не была бессонной, как река или водопад, она теперь спала, лежа у реки, но справа просыпалась и текла по пустынным топям, чащобам и трясинам. Так уверен был он в этом бревне, всегда верно служившем людям, что опять открыл глаза и заухмылялся было, будто спросонок, но бревно ушло.

Фа рысцой прибежала по тропе. Новый человек спал у нее на спине. Она не боялась

его уронить, потому что чувствовала, как он ручонками стискивает шерсть у нее на загривке, а ножками цепляется за щетину на спине, но все же бежала осторожно, чтоб его не разбудить. Лок слышал ее поступь еще раньше, чем сама она показалась под буками.

— Фа! Бревно ушло!

Она подошла к воде вплотную, взглянула, приняхалась, потом с укором повернулась к Локу. Говорить для нее надобности не было. Лок в ответ затряс головой:

— Нет, нет. Я не уволок бревно, чтоб насмешить людей. Оно ушло само.

Он широко развел руками, показывая, как невозвратима пропажа, увидел, что она его поняла, и опять уронил руки.

Лику позвала:

— Покачай меня.

Она тянулась к буку, где ветка торчала из ствола, понурясь, как длинная, обвислая шея, высывалась на свет, а потом взбрасывала кверху целую охапку зеленых и еще бурых почек. Лок отвлекся от ненайденного бревна и усадил Лику на извилину. Теперь он, стоя сбоку, приподымал и наваливался, потихоньку пятясь шаг за шагом, и вот ветка хрустнула.

— Хоп!

Он выпустил ветку и шмякнулся задом оземь. Ветка мигом распрямилась, и Лику взвизгнула от восторга:

— Нет! Нет!

Но Лок стал тянуть опять, и Лику, с визгом, и смехом, и укорами, летала вместе с охапкой листков низко, почти над самой водой. А Фа поглядывала на эту воду, и на Лока, и опять на воду. Она все хмурилась.

Ха подоспел по тропе, проворно, но не бегом, у него было больше мыслей, чем у Лока, и этот мужчина выручал людей при всех и всяческих невгодах. Когда Фа его кликнула, он отозвался, но не сразу, а первым делом глянул на осиротевшую воду, потом влево, где под сенью буков проглядывала река. Потом он прислушался и принялся к лесу, проверил, нет ли там кого, кто незвано мог туда вторгнуться, и, уже только когда совершенно уверился в безопасности, опустил палицу и стал на колени у воды.

— Гляньте!

Его палец указывал на борозды под водой, где проволочлось бревно. Закраины их были все еще отчетливы, и неразмытые комья земли лежали в загогулинах. Ха скользнул взглядом по этим загогулинам вплоть до их исчезновения в темной глубине. Фа глянула на другую сторону, откуда прерванная здесь тропа убегала вдаль. И там, в том месте, где раньше лежал дальний конец бревна, земля была разворочена. Фа молча спросила Ха, и губы его ответили:

— Один день. Может, два. Не три.

А Лику все взвизгивала и смеялась.

На тропе появилась Нил. Она слегка постанывала, как это бывало с ней от усталости и проголоди. Но хоть шкура на ее огрузлом теле одрябла, груди все равно оставались упруго налитыми, и вокруг сосков белело молоко. Конечно, проголодаться мог кто угодно, но ни в коем случае не новый человек. Нил глянула на него, увидела, что он цепко висит на шерсти Фа и спит, потом подошла к Ха и притронулась к его руке:

— Почему ты оставил меня одну? Ведь ты же видишь больше Лока внутри головы.

Ха ткнул пальцем в сторону воды:

— Я спешил, чтоб увидеть бревно.

— Но бревно ушло.

Теперь эти трое уставились друг на друга. А потом, как обычно бывало у людей, чувства их слились воедино. Фа и Нил соперевживали все то, о чем Ха думал. Он думал, что должен непременно найти бревно на прежнем месте, ведь если вода забрала бревно или же бревно уползло само, людям придется идти в обход болота еще целый день, а это означает опасности и такие тяготы, каких они еще не знавали.

Лок навалился на ветку всей тяжестью и уже не отпускал. Он утихомирил Лику, она слезла наземь и стояла с ним рядом. Старуха приблизилась по тропе, они уже слышали ее шаги и дыхание, вот она обогнула последние стволы. Седая и шуплая, она брела сгорбясь, отрешен-

ная от всего, она целиком ушла в себя и только оберегала обернутую листьями ношу, которую обеими руками прижимала к своим старческим, сморщенным грудям. Люди стояли гурьбой и встретили ее благоговейным молчанием. Она тоже не вымолвила ни слова, но с безропотным терпением ждала, что будет дальше. Она только приспустила свою ношу и сразу подняла опять, чтоб напомнить людям, как безмерно важна эта тяжелая ноша.

Лок заговорил первый. Он обратился ко всем сразу, упиваясь словами, срывавшимися с его уст, смеясь и очень стараясь насмешить остальных. А Нил опять постанывала.

Теперь они слышали на тропе последнего из людей. Это был Мал, он брел медленно и беспрерывно кашлял. Он обошел последний ствол, остановился у края пустоши, тяжело навалился на приплюснутый конец палицы и опять стал надсадно кашлять. Когда он нагнулся, люди увидали, что на темени у него давно уже вылезла седая щетина и длинная проплешина тянется от надбровья до загривка вплоть до самых плеч. Покуда он кашлял, люди ждали молча и недвижно, как выжидает настороженный олень, и ровные, зыбучие пласты земли всплывали, расползались и завивались меж пальцев их ног. Плотное, белесое облако сползло с солнца, меж деревьев просквозил зябкий солнечный свет и окропил обнаженные тела.

Наконец Мал откашлялся. Он стал выпрямляться, налегая на палицу и медленно перехватывая ее руками. Он оглядел воду и людей, одного за другим, а они все ждали.

— Я вижу так.

Он разжал одну руку и возложил ладонь себе на темя, будто хотел удержать в голове ускользающие видения.

— Мал не старый, он висит на спине у матери. Воды много больше не только здесь, но вокруг нашей тропы. Один мужчина умный. Он велит другим взять поваленное дерево и...

Его глубоко запавшие глаза с мольбой обратились к людям, он звал их сопереживать то, что видел сам. Потом кашлянул опять, очень тихо. Старуха бережно приподняла ношу.

Ха наконец заговорил:

— Так я не вижу.

Старик вздохнул и убрал руку с головы.

— Найдите поваленное дерево.

Люди покорно разбрелись вдоль воды. Старуха отошла туда, где недавно качалась Лику, и опустила на ветку сцепленные руки. Ха крикнул первый. Они сбежались к нему и оробели, увязнув в топкой жиже. А Лику нашла какие-то ягоды, почернелые и давнишние, остатки минувшей поры, когда плодов и ягод было вволю. Мал подошел, нахмурился и стал глядеть на бревно. Это был березовый ствол не толще человеческой ляжки; он до половины утонул в воде

и хляби. Кора местами встопорщилась, и Лок стал обдирать с нее разноцветные грибы. Иные из этих грибов были съедобны, и Лок отдал их Лику. Ха, Нил и Фа неумело взялись за бревно. Мал опять вздохнул:

— Стойте. Ха тут. Фа там. И Нил тоже. Лок!

Бревно легко подалось кверху. Но обломки сучьев цеплялись за кусты, когда люди тяжело волокли его к темной болотине. А солнце опять спряталось.

Когда они наконец доволокли бревно до воды, старик нахмурился и глянул на развороченную землю по ту сторону.

— Пускайте бревно плыть.

Это было хитрое и трудное дело. Как ни заноси сырое бревно, все равно приходилось замочить ноги. Наконец бревно соскользнуло на воду, а Ха нагнулся вперед и одной рукой стал налегать, а второй подталкивать. Сучковатая верхушка медленно стронулась и застряла в топкой жиже по ту сторону. Лок весело приговаривал и запрокинул голову, слова из его рта сыпались бессвязно. Никто не слушал Лока, но старик хмурился и прижимал обе ладони к голове. Другой конец бревна уже ушел под воду, примерно на глубину в два мужских роста, и там он был совсем тонкий. Ха взглядом спросил старика, а тот опять прижал руки к голове и закашлялся. Ха вздохнул и с опаской ступил одной ногой в воду. Когда люди увидели это, они сочувствен-

но застонали. Ха ступал осторожно, морщился и кривил лицо, и люди морщились вслед за ним. Ха перевел дух, сделал над собой еще усилие, и теперь вода лизала ему колени, а руки так стискивали липкую кору на березовом стволе, что она трещала. Теперь он налегал одной рукой и подымал другую. Ствол перекатился, сучья вскружились среди густого роя палых листьев, верхушка качнулась, и вот она уже лежала близ другого берега. Ха толкал что было мочи, но одолеть раскоряченные сучья у него не достало сил. По ту сторону, где березовый ствол горбился под водой, все еще была пустота. Ха отступил назад, на сушу, под угрюмыми взглядами людей. Мал смотрел на него выжидательно и опять обеими руками сжимал палицу. Ха отошел к опушке, где тропа выходила из леса. Он подобрал свою палицу и присел. На миг он резко перегнулся вперед и чуть было не упал, но тут же ноги настигли туловище, и он понесся через пустошь. Он пробежал по бревну четыре шага, клонясь вперед все ниже и ниже, так что голова его, казалось, сейчас стукнется о колени; потом бревно взбурлило воду, но Ха уже стремглав летел в воздухе, подбрав ноги и растопырив руки. Он плюхнулся на землю в кучу палой листвы. Потом повернулся, ухватил вершину березы и рванул на себя. Тропа через болотину была проложена.

Люди испустили крик облегчения и радости. И этот самый миг солнце почему-то избрало для

того, чтоб опять выглянуть. Теперь весь мир будто бы разделял их светлую радость. Они благодарили Ха, хлопая ладонями по ляжкам, а Лок делился своим торжеством с Лику.

— Понимаешь, Лику? Бревно теперь лежит поперек воды. Ха очень много видит внутри головы!

Когда все умолкли, Мал указал палицей на Фа:

— Фа и новый.

Фа нащупала нового человечка. Ее густая грива прикрывала его полностью, и люди не увидели ничего, но ручонки и ножки цепкой хваткой сжимали непокорные завитки ее шерсти.

Фа подступила к самой воде, растопырила руки, ловко побежала по стволу, спрыгнула с верхушки и стала рядом с Ха. Новый проснулся, глянул через ее плечо, одной ножкой перехватил завиток шерсти и опять заснул.

— Теперь Нил.

Нил нахмурилась, сдвинула брови. Она откинула назад завитки над глазами, пригладила их, страдальчески сморщилась и побежала по бревну. Руки она воздела высоко над головой и на середине бревна стала выкликать:

— Аи! Аи! Аи!

Бревно начало прогибаться и увязать в топком дне. Нил добежала до тонкой верхушки, высоко подпрыгнула, ее туго налитые груди всколыхнулись, и вдруг она оказалась по колено в воде. Она взвизгнула, выволокла ноги из тря-

сины, ухватилась за протянутую руку Ха и долго потом тяжело дышала и содрогалась уже на твердой почве.

Мал подошел к старухе и сказал смиренно:

— Теперь хочет ли она перенести это туда?

Старуха была так глубоко погружена в себя, что едва проглянула сквозь свою отрешенность. Она побежала к воде, все так же держа сцепленные руки у груди. Была она тощая, кожа да кости и местами редкие седые волосы. Когда она проворно одолевала болотину, березовый ствол едва шелохнулся в воде.

Фа наклонилась к Лику:

— Теперь пойдешь ты?

Лику вынула изо рта малую Оа и потерлась густыми рыжими завитками о бедро Лока.

— Хочу с Локом.

От этого у Лока внутри головы будто засияло солнце. Он широко разинул рот, и смеялся, и приговаривал, обращаясь к людям, хотя обрывочные видения, мелькавшие в его голове, едва ли соответствовали тем словам, которые сыпались изо рта. Он видел, как Фа ответно смеется над ним и даже Мал невесело улыбается.

Нил предостерегла:

— Осторожно, Лику. Держись крепче.

Лок дернул Лику за рыжий завиток.

— Лезь.

Лику ухватилась за его руку, одной ногой уперлась ему в колено и легко взобралась вверх